

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ,

повествующая о том, как на горе Цветов и плодов собрались духи и волшебники, и как Сюань-цзан повстречал в лесу Черной сосны оборотня

Итак, Великий Мудрец, изгнанный Танским монахом, тяжело переживал свое горе и, как вы уже знаете, неожиданно увидел воды Восточного моря.

«А ведь я целых пятьсот лет не бывал в этих местах», — подумал Сунь У-кун.

Вздымаются волны,

Бурля и вскипая,

И нет им конца,

Ни конца нет, ни края...

Путь Млечный задело

Свирепой волною,

Бушует вода

Под корою земною...

Прибой кровожадней

Могучего зверя —

Он пену с размаха

Бросает на берег...

Вода, сверхъестественной

Силой влекома,

Гремит, как раскаты

Весеннего грома.

Вода ненасытная

Берег кромсает,

А ветер неистовый

Волны бросает...

Счастливый старик,

Оседлавший дракона,
Нахмуясь, летит
Над пучиной бездонной.
На аисте быстром
Промчавшейся тенью.
Прислужник святого
Изведал волнение!..
На бреге пустынном
Ни дома, ни крова,
Ни лодок рыбацких
Средь моря пустого.
Здесь тысячи лет
Без конца, неизменно
Вздывает снега
Исполинская пена,
А в месяц шестой
Забывают о лете.
Рождающий осень —
Господствует ветер...
Здесь только порхают
Над берегом птицы
Да белая чайка
Над морем резвится:
Кричит, веселится
Она на просторе —
Других рыбаков
Не знавало здесь море...
Лишь рыбы морские

Не ведают грусти;

Кричат, пролетая,

Печальные гуси.

Сунь У-кун встряхнулся всем телом и сразу же очутился у горы Цветов и плодов, где и снизился на своем облаке на землю. Осмотревшись вокруг, он не увидел ни растений, ни цветов. Исчез и волшебный туман. Горные пики обрушились, лес стоял обожженный.

Что же, вы думаете, здесь произошло? А произошло здесь вот что. Когда Сунь У-кун учинил бунт в небесных чертогах, божественный Эрлан и его семь братьев с горы Мэйшань разрушили владения Сунь У-куна, не оставив здесь камня на камне. Об этом печальном событии сохранились старинные стихи:

В два ручья точил он слезы,

Пред горой священной стоя —

Горевал о том, что дело

Уничтожено святое;

Говорил он сам когда-то,

Что гора неуязвима,

Но теперь зияют раны

На его земле любимой,

Враг Эрлан, достойный гнева,

Вторгся к нам, разрушил царство,

И народ мой обмануло

Злого недруга коварство.

И могилы древних предков

Беззаконно осквернили:

Дела нет чужим до предков,

Почивающих в могиле.

Вещий пар, скрывавший небо,

Вдруг развеялся печально,

И туман, скрывавший землю,

Нынче в край умчался дальний.

На горах восточных тигры

Не выходят на поляны,

А на западных — умолкли

Вопли белой обезьяны;

Больше в северных ложбинах

Не найти следов лисицы;

По долинам, по ущельям

Кабарга уже не мчится.

Повалили наши сосны,

Грязью стал песок красивый,

И последний кедр уныло

Зеленеет у обрыва;

А каштаны, ель, софора,

Можжевельник и цебрела,

Сливы, груши, абрикосы —

Все погибло, все сгорело.

Нет кудрадии и тут, —

Не накормишь шелкопряда;

Места нет гнездиться птицам —

Нет ни леса, нет ни сада.

Стало прахом то, что было

Драгоценными камнями,

Высохли ручьи в ущельях,

Не покрыты склоны мхами.

Перепутались лианы...

Где же радостные птицы.

И куда бежали звери?

Даже барс спешит укрыться.

Журавли бегут и змеи,

Общим ужасом гонимы...

Он тогда свои злодеяния

Вспомнил с мукой нестерпимой.

И вот, скорбя по поводу этого нового несчастья, обрушившегося на его голову, Сунь У-кун вдруг услышал, что из впадины на склоне горы, поросшей колючим кустарником, доносятся какие-то неясные звуки. Вслед за тем оттуда выскочило несколько обезьян. Они подбежали к Сунь У-куну, окружили его и, земно кланяясь, воскликнули:

— Отец наш, Великий Мудрец! Неужели вы вернулись?

— Почему у вас не слышно ни шума, ни веселья? — спросил прекрасный Царь обезьян. — Все вы куда-то спрятались, Я давно здесь сижу и до сих пор никого не видел.

Услышав это, обезьяны заплакали.

— После того как вас увели на небо, мы попали в беду; ни днем, ни ночью не дают нам покоя охотники. Они гонятся за нами с луками и арбалетами, с желтыми соколами и злыми собаками, расставляют сети, ловят нас на крючья. Вот почему мы боимся даже нос высунуть и забыли о прежних играх и забавах. Мы стараемся забиться в самые отдаленные уголки пещеры. Когда нас начинает мучить голод, мы украдкой выходим на склон горы и питаемся травой, жажду утоляем родниковой водой. Но сейчас, услышав ваш голос, мы осмелились встретить вас и просить вашей помощи и защиты.

Рассказ обезьян поверг Великого Мудреца в еще большее отчаяние.

— Сколько же вас осталось на этой горе? — спросил он.

— Да всех, старых и малых, не больше тысячи, — отвечали те.

— Но прежде, — сказал Великий Мудрец, — в моем подчинении было сорок семь тысяч духов, куда же они делись?

— Как только вас не стало здесь, — сказали тут обезьяны, — нашу гору поджег бодисатва Эрлан, и половина ее обитателей погибла в огне. Спаслись лишь те, которые успели броситься в колодец, в воду горных потоков или же укрыться под железным мостом. Когда огонь перестал бушевать и дым немного рассеялся, мы вышли и увидели, что все наши плодовые деревья обгорели и нам нечем больше поддерживать свое существование. Тогда половина из тех, кто остался в живых, разбрелась по другим местам. Ну, а мы остались здесь влачить жалкое

существование. Но за последние два года, после того как появились охотники, нас стало вдвое меньше.

— Зачем же они на вас охотятся? — спросил Сунь У-кун.

— При мысли об этом нас охватывает гнев, — отвечали обезьяны. — Они убивают нас отравленными стрелами, сдирают с нас шкуру, отделяют мясо от костей, а затем готовят из своих жертв различные блюда в сое, в уксусе или же делают рассолы. В общем, готовят из нас всякие приправы и закуски. Тех же, кто попадает в сети, они берут живыми, обучают прыгать через обруч, стоять на голове, бить в барабан, заставляют ходить по улицам, бить в гонги и проделывать самые невероятные номера для увеселения прохожих.

Все это привело Великого Мудреца в неопишное негодование.

— Кто у вас тут в пещере сейчас главный? — спросил он.

— Да еще остались полководцы Ма и Лю и генералы Бэнь и Ба, которые управляют нами, — отвечали обезьяны.

— Пойдите доложите, что я вернулся, — приказал Великий Мудрец.

Обезьяны тотчас же бросились в пещеру.

— Наш отец, Великий Мудрец вернулся! — доложили они.

Ма, Лю, Бэнь и Ба поспешили встретить Сунь У-куна и, поклонившись ему, пригласили его войти в пещеру. Когда Великий Мудрец занял центральное место, обезьяны выстроились перед ним в ряд и, отдав соответствующие почести, обратились к нему со следующими словами:

— Отец наш, Великий Мудрец! Мы слышали о том, что вы получили помилование и отправились с Танским монахом в Индию за священными книгами. Каким же образом вы очутились здесь?

— Дорогие мои! — отвечал на это Великий Мудрец. — Поскольку вы находитесь в полном неведении, я должен сказать вам, что этот Танский монах не разбирается в том, что хорошо и что плохо. На протяжении всего пути я сражался со всякими оборотнями и чертями, применил все свои способности, чтобы победить злого духа, а монах, несмотря на это, обвинил меня в злодеяниях и не пожелал больше считать меня своим учеником. Он навсегда прогнал меня и даже выдал мне об этом свидетельство.

— Ну и повезло нам! — в один голос весело закричали обезьяны, хлопая в ладоши. — Да к чему вам быть каким-то монахом? Очень хорошо, что вы вернулись. Хотя несколько лет еще проживем в свое удовольствие!

— Давайте сюда вина из орехов кокосовой пальмы, — раздались крики, — выпьем в честь нашего отца!

— Погодите, — сказал тут Великий Мудрец. — Пить пока не будем. Вы лучше вот что скажите мне: в какое время сюда приходят охотники?

— Да разве можно тут говорить о времени, — отвечали Ма и Лю. — Они не дают нам ни дня покоя.

— А почему же их сегодня нет? — спросил Великий Мудрец.

— Явятся еще, — отвечали те.

— Ну-ка, ребятки! — приказал тут Сунь У-кун. — Соберите мелких пережженных камней и в каждую кучку складывайте от тридцати до шестидесяти штук.

Обезьяны, шумя, как рой пчел, бросились выполнять приказ. Вскоре работа была закончена. Тогда Великий Мудрец приказал:

— А теперь спрячьтесь в пещеру, я должен применить волшебство.

После этого Сунь У-кун взобрался на вершину горы и, внимательно осмотревшись, вдруг заметил в южной стороне огромное количество всадников, — их было более тысячи человек. Все они были вооружены мечами и копьями и имели при себе соколов и собак. С барабанами и гонгами всадники мчались прямо к горе. Вид у всадников был поистине грозный, это были настоящие удалыцы:

Лисьи шкуры защищали

Плечи всадников могучих,

Золотой парчой расшитой

Покрывались грудь и стан;

Кони были, как драконы,

Грозно прыгали по кручам,

И резьбой блистали луки,

Стрелы полнили колчан.

Были всадники свирепы,

Словно тигры на охоте,

Устремись толпой огромной,
За собой собак вели;
Сотни вил для ловли зайцев
Сто корзин для разной дичи,
Сто шестов, натертых клеем,
Сто сетей они несли.
Так велел Нью-тоу хитрый
По дорогам ставить сети,
Так Янь-ван ловил веревкой
Беглецов из адских стен.
Словно звезды в поднебесье,
Замелькали люди эти:
Закричали, зашумели,
Всех захватывая в плен.

Увидев, что всадники окружают гору, Великий Мудрец задрожал от охватившего его гнева. Пошевелив пальцами и произнеся заклинание, он вдохнул в себя воздух и тут же с силой выдохнул его из себя в северо-западном направлении. Поднялся бешеный ураган.

Перевертывая землю,
Подымал он тучи пыли,
Лес валил, кружил деревья,
Волны бурные вздымал.
Мрак настал во всей вселенной,
Волны по морю ходили,
И луна и солнце скрылись,
Тигром ветер налетал
Он рычал, ломая сосны,
И в бамбуковую рощу
Он ворвался с горьким стоном,

Словно раненый дракон.

И рычало в гневе небо,

Извергая град разящий,

С неба камни полетели,

Пыль и пыль — со всех сторон.

Ветер подхватил камни, собранные обезьянами, и понес их прямо на всадников.

Летели камни в головы людей.

Слепила пыль глаза лошадей.

Целительные гуань-гуй, жэнь-шень

В сражение пригодились в этот день,

И обагрила кровь тогда песок...

Фу-цзы, как путь домой еще далек!

И даже с чудной помощью бинь-лан,

Ты не увидишь свой родной очаг.

На склонах мертвые лежат тела,

И нет лекарства, чтобы смерть ушла.

Об этом написаны еще и такие стихи:

Лежат повсюду трупы лошадей.

О, сколько перебито здесь людей!

Для них домой не будет возвращенья,

Летают души, полные смущенья,

Пристанища нигде не находя.

И жалок жребий бывшего вождя,

Который, разобраться не умея,

Горячей кровью заплатил своею.

Великий Мудрец опустился на облаке и от восторга захлопал в ладоши.

— Вот так удача! — смеясь воскликнул он. — После того как я принял постриг и стал учеником Танского монаха, он при всяком удобном случае читал мне наставления, говоря: «Если ты тысячу дней будешь совершать добрые дела, этого все равно будет недостаточно, стоит же тебе хоть один раз сотворить зло, оно окажется в избытке». Когда я убил нескольких духов, он счел это злодеянием. А вот сейчас, не успев я вернуться домой, как тут же расправился со всеми этими охотниками. Ребятки! — крикнул он. — Выходите!

Убедившись в том, что ураган пронесся, и услышав голос Великого Мудреца, обезьяны одна за другой повыскакивали из своего убежища.

— Ступайте на южный склон горы, — приказал им Великий Мудрец, — и снимите с убитых одежду. Постирайте ее: она вся в крови, и надевайте, когда будет холодно. Трупы побросайте в пучину. С лошадей сдерите шкуру и сшейте себе ботинки. Мясо засолите впрок. Луки, стрелы, пики, мечи возьмите себе, будете проделывать военные упражнения. Знамена принесите мне. Пригодятся.

Обезьяны бросились выполнять приказ. Великий Мудрец изорвал знамена врагов, выстирал их и сделал одно огромное разноцветное знамя, на котором написал: «На горе Цветов и плодов, а также в пещере Водного занавеса вновь восстановлен порядок. Великий Мудрец, равный небу».

Знамя водрузили на шесте у входа в пещеру. После этого Сунь У-кун каждый день созывал духов и оборотней, а так же делал запасы продовольствия. О своем монашеском звании он нигде не упоминал. Гуманность его была велика, волшебные силы — могучи. Через некоторое время Сунь У-кун отправился к царям-драконам четырех морей, занял у них живительного дождя и чудесной росы и оросил ими гору, которая снова зазеленела. Затем он посадил ивы, тополя, сосны, кипарисы, персики, сливы, финики и множество других деревьев. Обезьяны зажили припеваючи, наслаждаясь покоем. Но об этом мы сейчас распространяться не будем.

Вернемся теперь к Сюань-цзану. Как вы уже знаете, поверив коварным словам Чжу Ба-цзе, он дал волю своим страстям и прогнал Сунь У-куна. И вот он сел на коня, и они двинулись дальше. Чжу Ба-цзе шел впереди, а Ша-сэн — за ним, неся коромысло с вещами. Перейдя хребет Белого тигра, они вдруг увидели перед собой поросший лесом холм. Бирюзовые кипарисы и зеленые сосны были увиты ползучими растениями.

— Ученики мои, — сказал Сюань-цзан, — сейчас начинается опасная горная дорога. К тому же и лес здесь дремучий и густой, так что следует соблюдать осторожность. В этих местах, надо полагать, водится много разной нечисти.

При этих словах Дурень приободрился, велел Ша-сэну взять коня под уздцы и, орудуя своими граблями, провел Танского монаха в сосновый лес. Вдруг Сюань-цзан остановил лошадь и сказал:

— Чжу Ба-цзе, я что-то сильно проголодался, нельзя ли где-нибудь здесь попросить подаяния?

— Хорошо, учитель, — отвечал Чжу Ба-цзе, — я пойду поищу.

Сюань-цзан сошел с коня, а Ша-сэн, опустив свою ношу на землю, достал из узла чашку для сбора подаяний и передал ее Чжу Ба-цзе.

— Ну, я пошел, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Куда же ты думаешь идти? — поинтересовался Сюань-цзан.

— Пусть это вас не тревожит, — сказал Чжу Ба-цзе. — Если бы даже мне пришлось высечь из льда огонь или же выжать из снега масло, чтобы добыть вам пищу, я сделал бы это.

Выйдя из леса, Чжу Ба-цзе прошел более десяти ли на запад, но не встретил ни одной живой души. Это было глухое место — пристанище волков и тигров. Шел он долго и очень устал.

«Когда с нами был Сунь У-кун, — с горечью размышлял он, — он выполнял любое желание учителя. А теперь все заботы легли на меня. Вот уж не зря говорится: «Цену хвороста и пшена узнаешь лишь тогда, когда сам возьмешься за хозяйство; родительскую ласку может оценить лишь тот, кто сам воспитывает детей». Но ведь мне действительно не у кого просить подаяние».

Чжу Ба-цзе стало клонить ко сну.

«Если я сейчас вернусь с пустыми руками, учитель не поверит мне, что я проделал такой большой путь. Лучше уж я пробуду здесь подольше, потом легче будет ответ держать. А сейчас надо поспать здесь в траве». И, обхватив голову руками, Дурень улегся спать. Он говорил сам себе, что скоро встанет, но кто не знает, что стоит усталому путнику склонить голову, как он засыпает.

Однако оставим пока Чжу Ба-цзе спящим и вернемся к Сюань-цзану. Встревоженный длительным отсутствием Чжу Ба-цзе, он не находил себе места. Уши у него горели, глаза беспокойно бегали.

— У-цзин, — не выдержав, обратился он к Ша-сэну. — Куда это Чжу Ба-цзе запропастился?

— Да разве вы, учитель, не понимаете, — сказал на это Ша-сэн. — Здесь, в западной стране, очень многие занимаются благотворительными делами и помогают монахам, а у Чжу Ба-цзе живот огромный, разве ему теперь до вас? Вот когда он сам наестся вдоволь, тогда и придет.

— Пожалуй, ты прав, — сказал Сюань-цзан. — Но если он не скоро вернется, где мы встретимся с ним? Время позднее, а здесь оставаться нельзя. Надо позаботиться о ночлеге.

— Все это не так уж страшно, — сказал Ша-сэн. — Вы, учитель, побудьте здесь, а я пойду найду его.

— Ладно, — согласился Сюань-цзан. — Бог с ней, с едой, главное — найти пристанище.

Ша-сэн взял свой посох и, выйдя из леса, отправился на поиски Чжу Ба-цзе. Сюань-цзан с тяжелым чувством остался один в лесу. Чтобы подбодрить себя немного, он встал, сложил вещи в одно место, привязал коня к дереву, снял шляпу, воткнул в землю посох, расправил рясу и стал медленно прохаживаться по лесу. Он делал все, чтобы хоть немного разогнать тоску. Здесь росла трава, благоухали цветы, но не было слышно пения птиц, возвращающихся в свои гнезда. В лесу этом были узкие тропинки, густо поросшие травой, и Сюань-цзан, поглощенный своими невеселыми думами, сбился с дороги. Он пошел просто для того, чтобы развеять свою грусть и вместе с тем надеясь найти Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Но те ушли в западном направлении, а Сюань-цзан повернул на юг. Выйдя на опушку, Сюань-цзан увидел перед собой золотое сияние. Оно исходило от купола чудесной пагоды, сверкавшего в лучах заходящего солнца.

«А ведь мои ученики не выполняют заповедей Будды, — подумал Сюань-цзан. — Покидая Китай, я дал обет у каждого храма возжигать фимиам, при встрече с Буддой — совершать поклоны, а если попадетсЯ пагода, приводить ее в порядок. И вот перед нами пагода, окруженная золотым сиянием. Как же мы не пошли этим путем? Около пагоды, несомненно, расположен монастырь, в котором проживают монахи. Отправлюсь-ка я туда. Место здесь пустынное, так что с вещами и конем, я думаю, ничего не случится. А если в монастыре этом можно будет остановиться на ночлег, я подожду моих учеников, и мы все вместе отправимся туда».

Но тут нашего Сюань-цзана подстерегала беда. Он подошел к пагоде, и его взору открылась удивительная картина:

Перед ним открывались скалы,

В десять тысяч чжан высоты,

Упирались вершинами в небо

Удивительные хребты.

Уходили вглубь их породы,

Пики высились до небес,

У дороги теснились деревья,

Спал в ползучих лианах лес.

Колебались под ветром травы,

Даже тень их была длинна,

В синих тучах вода копилась,

Угасала порой луна.

А поваленные деревья
Перекидывались мостом,
Засыхали, свиваясь, лозы
Над прозрачным горным ручьем.
По ветвям обезьяны сновали,
С гор слетали стаи сорок,
Подымался бамбук багряный,
Охраняя горный поток.
Глянешь издали — видишь иней,
Словно в храме трех островов,
А вблизи — с красотой Пэнлая
Состязалась прелесть лесов.
Здесь чудесные пели птицы,
Лили сосны густой аромат
И гуляли дикие звери
У дверей подземных палат;
А кругом зеленели травы,
Распускались цветы у воды.
Это — знаменье, что Трипитаке
Здесь нельзя пройти без беды.

Вскоре Сюань-цзан очутился у ворот пагоды, на которых висела пестрая бамбуковая занавеска. Замедлив шаги, он приподнял занавеску и вошел внутрь. И что же он увидел!

Развалясь поперек кровати, сделанной из камня, здесь спал безобразный на вид дух.

Разверзта пасть. Синеет темный лик,
И отвратительный белеет клык,
А цвет волос взлохмаченных багрян,
Как будто кто-то вылил в них румян.

И загнут нос, как попугая клюв.
Звездopodobен взор его, блеснув,
А ноги скрученные сплетены,
Как корни, что сползают с вышины.
Был желтый шелковый халат на нем,
Как риза, весь в узоре золотом,
И оборотень меч в руках держал,
И лезвием огнистым угрожал.
На камне этот злобный дух сидел,
Был камень ложа гладок, чист и бел.
Лукавый дух был — небольших чинов:
Таких, как он, не счесть, что муравьев.
Он старым был — таких не счесть, как пчел,
Но сколько он величья приобрел!
Все звали его старшим и отцом.
Он каждый месяц угощал винцом
И разливал на новоселье чай.
Когда же власть являл он невзначай,
В одно мгновение, облетал он мир...
Даосы — жизни варят эликсир,
Удавы и драконы в чаше спят,
И птицы в диких зарослях свистят.
Где боги обработали поля,
Родит там перлы белые земля;
А здесь ведет в пещеру тесный вход;
Хотя неглавный ад пришельца ждет,
Но якша Нью-тоу правил в том аду
Всем мимо проходящим на беду.

Увидев это чудовище, Сюань-цзан от страха даже оступился: тело его ослабло, ноги подкосились. Он хотел тут же скрыться, но дух, который все знал, все видел и все слышал, открыл в этот момент свои огненные глаза и крикнул:

— Эй, ребятки, посмотрите, кто это там у ворот?

Один из духов, вытянув шею, выглянул и, увидев лысого монаха, бросился докладывать об этом своему повелителю:

— Великий князь, за воротами какой-то монах. У него круглая голова и полное лицо. Уши его свисают прямо на плечи! Кожа у него нежная. Замечательный монах!

Услышав это, волшебник рассмеялся от удовольствия.

— «Когда мухи садятся змее на голову, это все равно, что пища сама лезет в рот», — сказал он.
— Вы вот что, ребятки, схватите его да тащите сюда поскорее. А я уж вас поблагодарю как следует.

Не успел он договорить, как его подчиненные бросились выполнять приказ. Сюань-цзану хотелось бы сейчас стрелой лететь по воздуху, однако от страха он едва волочил ноги. К тому же горная дорога была крута и опасна, а лес утонул во мраке. Духи быстро схватили Сюань-цзана и потащили обратно.

Когда дракон застрянет на мели,

То потешаются над ним и раки;

Когда покинет тигр дремучий лес,

То на равнине рвут его собаки.

Пусть встретят даже добрые дела

Различные преграды и препоны,

Но кто в таких же затрудненьях был,

Как Трипитака, к цели устремленный?

Положив монаха у входа, духи вбежали внутрь.

— Великий князь! — радостно воскликнули они. — Мы притащили монаха.

Между тем старый волшебник уже успел бросить взгляд на Сюань-цзана. Гордо посаженная голова монаха и его величавая осанка произвели на волшебника отличное впечатление.

«Благородные монахи, несомненно, люди высшего порядка, — подумал он про себя, — и с ними действовать просто нельзя. Если я не проявлю все свое могущество, он может и не покориться мне».

И он тотчас же принял грозный вид. Огненные усы и борода его стали торчком, кроваво-красные волосы поднялись дыбом, глаза вот-вот готовы были выскочить из орбит.

— Тащите его сюда! — загремел волшебник.

Все духи-прислужники в один голос откликнулись:

— Слушаемся! — и тут же втащили Сюань-цзана. Не зря говорит пословица: «Когда идешь под низким карнизом, приходится нагибать голову». Так и Сюань-цзану ничего другого не оставалось, как сложить руки для приветствия и совершить перед волшебником поклоны.

— Откуда ты явился, монах? И куда путь держишь? Выкладывай все начистоту да поскорее!

— Я — Танский монах, — отвечал Сюань-цзан. — По повелению Танского императора иду на Запад за священными книгами. Проходя через эти горы, я счел своим долгом прийти приветствовать вас, но своим приходом как будто обеспокоил вашу милость и очень прошу извинить меня. Когда я достану на Западе книги и вернусь в Китай, я на вечные времена занесу в историю ваше имя.

Выслушав его, волшебник только расхохотался.

— Я так и думал, что ты — птица высокого полета, — за явил он, — и не ошибся! Ты пришел очень кстати! Сейчас я тебя съем! Это чудесно! Ведь я мог прозевать тебя. Но, видно, суждено было нам встретиться, а тебе попасть ко мне на стол. Теперь-то уж я не отпущу тебя! Ну-ка! — приказал он своим подчиненным. — Связать монаха!

В тот же миг духи ринулись на Сюань-цзана, схватили и привязали его к столбу.

— Кто же еще с тобой идет? — снова спросил волшебник, держа меч наготове. — Не мог же ты отважиться пуститься в путь один?

Увидев в его руках меч, Сюань-цзан смиренно ответил:

— Великий князь! Со мной идут два моих ученика. Одного из них зовут Чжу Ба-цзе, другого — Ша-сэн. Оба они отправились сейчас за подаянием. В лесу у меня остался белый конь и кое-какие вещи.

— Вот это удача! — воскликнул волшебник. — Два ученика да еще конь. Значит, всех вас

четверо. Что же, на раз еды вполне хватит.

— Так мы пойдем притащим их, — сказали тут подчиненные духи.

— Никуда не надо ходить, — отвечал им волшебник. — Закройте только передние ворота. Когда эти двое вернутся с подаянием, они, конечно, станут искать своего учителя и, несомненно, придут сюда, к нашим воротам. Пословица говорит: «Легче всего торговать тогда, когда покупатель приходит сам». Обождите, мы всех их потихоньку выловим.

Духи послушно закрыли передние ворота.

Однако оставим пока попавшего в беду Сюань-цзана и посмотрим, что делал в это время Ша-сэн. Разыскивая Чжу Ба-цзе, он прошел уже более десяти ли, однако не встретил на своем пути ни одного селения. Не зная, что делать, он остановился на вершине горы и стал осматриваться. Вдруг он услышал, что кто-то разговаривает. Он пошарил в траве своим посохом и обнаружил там спящего Дурня, который разговаривал во сне.

— Ну и хорош же ты! — сказал Ша-сэн, схватив его за ухо. — Ведь учитель послал тебя за подаянием, как же ты посмел уснуть?!

— А сколько сейчас времени? — спросил Чжу Ба-цзе, с трудом приходя в себя.

— Вставай скорей! — торопил Ша-сэн. — Учитель сказал, что без еды можно пока обойтись, а самое главное — это найти ночлег.

Разобравшись, наконец, в том, что ему сказал Ша-сэн, Чжу Ба-цзе взял чашку для подаяний, сунул под мышку грабли и отправился с Ша-сэном в обратный путь. Но в лесу они учителя не нашли.

— Все из-за тебя, Дурня, — стал ругать своего собрата Ша-сэн. — И подаяния не собрал, и учителя потеряли. Его, конечно, утащил какой-нибудь дух.

— Не говори глупостей, дорогой брат, — сказал, смеясь, Чжу Ба-цзе. — В таком замечательном месте не может быть никаких злых духов. Учителю, видно, надоело сидеть, вот он и пошел пройтись и посмотреть местность. Пойдем поищем его.

Захватив коромысло с вещами и ведя на поводу коня, они вышли из леса и пустились на поиски своего учителя. Видно, и на этот раз Танскому монаху не суждено было умереть. Поискав его немного, они вдруг увидели в южной стороне золотое сияние.

— Ну, брат, счастливому всегда везет! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Ты посмотри, куда ушел наш учитель. Это сияние излучает пагода, и кто бы мог осмелиться пройти мимо и не поклониться ей? Там для нашего учителя, несомненно, при- готовили угощение, и он чувствует

себя великолепно. Надо поторопиться, авось и нам что-нибудь перепадет.

— Еще неизвестно, что нас там ждет — беда или удача, — с сомнением заметил Ша-сэн. — Что ж, пойдем посмотрим.

И они храбро подошли к воротам пагоды. Однако ворота были крепко заперты. Тут они увидели плиту из белого нефрита с выгравированной надписью из шести иероглифов: «Пещера Боюэ, на горе Ванцзышань».

— Брат, — сказал тут Ша-сэн. — Это вовсе не монастырь. Это обитель какого-то духа. И если наш учитель попал сюда, то вряд ли мы его когда-нибудь еще увидим.

— Не бойся, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Привяжи коня и стереги вещи, а я постараюсь что-нибудь разузнать.

И Дурень, держа свои грабли наготове, подошел к воротам и крикнул:

— Эй, вы там! Открывайте!

Оборотни быстро отодвинули засов и раскрыли ворота. Но, увидев Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, мигом повернули обратно и бросились к своему повелителю:

— Великий князь! Покупатели пришли!

— Где же они? — спросил волшебник.

— Они стоят у ворот: один с длинной мордой и огромными ушами, да и у другого какой-то зловещий вид.

— Это, конечно, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн! Я знал, что они придут! — обрадовался дух. — Нашли все же! Да! Умеют искать. Как же это они пришли сюда? Смотрите держитесь с ними осторожнее. Дайте-ка мне одеться, — приказал волшебник.

Он надел на себя желтый халат и боевые доспехи, взял меч и вышел из ворот.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн ждали. И вот перед ними выросла зловещая фигура духа.

Пугал

Он ярко-красной бородой.

Сверкал,

Блистал кольчугой золотой;
Доспехи защищали
Грудь и стан...
Когда он выходил
На океан,
Вздymались волны
До небесных туч,
Когда ж, в безделье,
Он стоял, могуч,
Прижавшись к лону каменному
Скал,
С его дыханьем
Ветер вылетал.
Держал волшебник
В пламенных руках
Свой меч,
На жертвы наводящий страх.
Но как же это чудище
Зовут?
Пусть «Хуан-пао» иероглифы
Прочтут.

— Вы откуда явились, монахи? И как смеее шуметь возле наших ворот? — крикнул волшебник Желтый халат.

— Эй, сынок, — сказал на это Чжу Ба-цзе, — ты что же, своего отца признавать не хочешь? Я ученик Танского монаха и вместе с ним следую в Индию. А мой учитель — побратим императора и зовут его Трипитака. Так вот, если он у вас, — освободите его сейчас же, чтобы мне не пускать понапрасну в ход свои грабли и не врываться к вам с боем.

— Так, так, так, — смеясь сказал волшебник. — Есть у нас тут один Танский монах. Но мы ничем не обидели его. Я даже приготовил для него пампушек с человеческим мясом, может, и

вы согласитесь отведасть их? Заходите.

Тут Дурень, приняв все за чистую монету, уже хотел было войти, но Ша-сэн вовремя удержал его.

— Ведь он обманывает тебя, — сказал он. — Слыханное ли это дело есть человеческое мясо?

Тут только Чжу Ба-цзе опомнился и, взмахнув своими граблями, хотел нанести удар прямо в лицо волшебнику. Однако тот успел отклониться и отразил удар своим мечом. Обладая волшебной силой, оба они взметнулись под облака и там продолжали бой. Ша-сэн тоже не выдержал, оставил вещи и коня и поспешил на помощь товарищу. И вот между двумя грозными монахами и гнусным колдуном завязался отчаянный бой.

Посох взлетал,

Только меч отбивал его яро,

Грабли взлетали,

Меча принимая удары.

Дух показал,

Что в бою он не ведает страха,

Мощь проявили в сраженьи

Два Танских монаха

Девятизубые грабли

Были достойны хваленья

Меч же волшебника злого

Рубил в исступление.

Бились они, налетая

И слева и справа

«Желтый халат» был увертлив

И скор на расправу.

Блеском серебряным

Меч загорался булатный,

Сила ударов волшебных

Была необъятна

Воздух вокруг

Затянули пары и туманы

Словно в горах разрушались

Хребты-великаны

Здесь чародей

Утверждал свою честь дерзновенно,

Бился другой за учителя

Веры священной.

Противники схватывались уже несколько десятков раз, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес, хотя они, конечно, дорожили своей жизнью, но им трудно было покончить миром.

Однако, если вы хотите знать, как в конце концов был спасен Танский монах, прочитайте следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286453>